

КЕНЕНУ АЗЕРБАЕВУ — ДЕВЯНОСТО ЛЕТ

В пути и в песнях едины
Большая наша семья!

КАК ДВЕ СТРУНЫ...

Кенен считал Джамбула не только старшим коллегой, но и наставником. Порою, когда уставший Жак откладывал свою домбру, ее брал Кенен и продолжал петь. Он был полностью, безраздельно верен традиции Джамбула, который вдохновенно, с эпическим размахом слагал нашу молодую Советскую Родину, воспева социалистическую эпоху. Он не только поэт-певец, но и жырыш-эпик. И думаю, можно с полным правом сегодня сказать, что Кенен и Джамбул — это две струны одной домбры.

Абдылда ТАЖИБАЕВ.

ЗВОНКИЙ ГОЛОС

Было это давно, в начале декабря 1937 года. Тогда мы услышали, что Кенен болен, и поехали его проводить. А накануне в Алма-Ату пришла телеграмма из Москвы за подписью секретаря Союза писателей СССР В. Ставского. В ней говорилось, что делегация литераторов Казахстана, возглавляемая Джамбулом, должна 22 декабря прибыть в Тбилиси для участия в пленуме СП СССР и юбилейных торжествах, посвященных 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Пришлось послать за Джамбулом в Каракастек Калмыкана Абдыкадырова.

Сначала старый акын отказывался. Но потом он все же согласился поехать с Кененом.

Большезнающий, статный, опрятно одетый Кенен выглядел колоритным красавцем. Взяв домбру, он зашел о только что принятой Советской Конституции. Песня называлась «Улкен жан». Когда Кенен пел, он походил то на Асета, то на Балуан-Шолака, то на Биржанна, то на Естай — любимых народом певцов.

Тогда-то ко мне подошел Микола Бажак и восхищенно воскликнул: «Каков красавец этот ученик Джамбула!»

Своего Кенену девяносто лет. Годы — тут уж ничего не поделаешь — скрывают внешнюю красоту, но они бессильны перед красотой внутренней, духовной. Сегодня для нас акын остается молодым, а голос его — нестаряющая чистым и звонким.

Мухамеджан КАРАТАЕВ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЮБИЛЯРУ

В канун юбилея Кенена Азербайева Алма-Атинский народный университет казахской литературы и искусства провел вечер, посвященный его творчеству. В нем приняли участие народные акыны Шамхат Тулепова, Асхан Косбаев, Мукаш Байбатыров и другие. Они составили в песенном мастерстве.

Ученикам и последователям Джамбула и Кенена аплодировали писатели, ученые, сотрудники институтов Академии наук.

Народные акыны принимают участие в Днях советской литературы в Казахстане.

А. САБИРОВ.

ВЫДАЮЩИЙСЯ КОМПОЗИТОР

Свыше сорока лет я имею счастье познавать богатства казахской народной музыки от одного из ее виднейших представителей — Кенена Азербайева. Это не только прекрасный знаток музыкального творчества, но и автор многих произведений, вошедших в народную музыкальную классику. В нем поразительно органично сочетаются таланты поэта и композитора, певца и домбриста. Кроме многочисленных поэтических произведений, Кенен создал более 200 песен и югов, в которых с большой силой, в национально-колоритных образах художественно отражена жизнь народа.

По идейной направленности своего творчества в до-революционные годы Кенен относился к славной плеяде передовых демократических деятелей музыкальной культуры. Он — последователь и продолжатель в новых исторических условиях таких выдающихся народных композиторов, как Биржан и Жауан Муса, Балуан Шолак и Ахан-Сере, Курмангазы и Сейтек.

Еще 11-летним пастухом —

Кенен АЗЕРБАЕВ

Т Р У Д

Акын песня ближе скучных слов,
Как рыбам — речка, рыбаку — улов,
Вот так и труд — он честный в путь зовет,
Как сыновей любимых отчий кров.

Пчела, по капле собирая мед,
Взнушавшись в улей, трутня не поймает.
Так человек, добывший честь трудом,
Ленивого родным не называет.

Льет свет луна, дает металл руда,
Камень точит горная вода.
А человек, алая в безделье век,
Не оставляет доброго следа.

Народу своему я говорю —
За честный труд тебя благодарю.
Всем молодым счастье обретут,
Всем чистым сердцем уважая труд.

ВЕРБЛЮЖИЙ ПЕРЕВАЛ

Верный друг беду отведет с пути.
Спутник плох — тебе от бед не уйти.
Он за сумев тебя обмануть,
Он толкнет тебя на опасный путь.

Друг надежный в пути — моя песня-стих!
И другим он не чужд, нужен для других.
Во весь голос пою — слушай, мой народ!
Стих со мной в пути, стих не отстанет.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТОЮ

На той зовут друзей Кенен-ага.
Здесь будет все — веселье, шутки, смех,
Здесь для джигитов — жаркая байга
И угощение щедрое для всех.

Здесь рады изобилью и добру.
Здесь каждый вносит свой душевный вклад.

Кенен возьмет любимую домбру —
И будет праздник песнями богат.

Перевод с казахского.

Старейшина
Акынов

ДАЖЕ внешний облик Кенена исполнен душевного благородства, мягкости, лиризма. Конечно, старость коснулась акына. Он стал задумчивее, медлительнее, строже. Но вот поздоровался, улыбнулся, заговорил — и перед нами прежний Кенен, влюбленный в жизнь и песни.

Встречаясь с ним или только представив его, не перестаешь удивляться. Он современник Абая, младший и давний, еще с молодости своей друг Джамбула, свидетель и участник событий, о которых ты знаешь только по истории. И наш современник, современник вот этой школьной лекции, привязанной к своему дедушке. Еще совсем недавно отличник наземник, но теперь предпосылающий «Волгу» любимому коню Балакаса с белой отметиной на лбу.

Кенен начинал в годы устной поэзии, но буквально на глазах получил прекрасно изданный отпечаток своих избранных стихотворений и песен. Начиная байским пастухом, а теперь уже много десятилетий живет в колхозе имени Кирова, в километре от тракта, по которому мчатся комфортабельные автобусы в Киргизию и Узбекистан.

У Кенена есть большая родина и свой малый край — колхоз у подножия Курдайского перевала и аул Матыбулак, неподалеку от Красногорки, где он родился в 1884 году и слушал первые сказки и песни от матери Улдар. Кенен только однажды уезжал из отчужа — после национально-освободительного восстания 1916 года, в котором он участвовал и как певец, и как воин.

Его имя слишком хорошо было известно царским карательным отрядам, ему угрожал военно-полевой суд. Кенен приютился в горах, в горах аула, где он родился в 1884 году и слушал первые сказки и песни от матери Улдар. Кенен только однажды уезжал из отчужа — после национально-освободительного восстания 1916 года, в котором он участвовал и как певец, и как воин.

Особенно примечательна песня Кенена — «Кокшалак», в переводе «Синий куций». Молодой чабан впервые получил коня, но это был не дикой скакун, а бесхвостая кляча. Богатые джигиты и девушки из байских юрт с удивлением косились на наездника. Ему было не по себе. Весенняя степь с ее толькаными, бездонным небом, уже воспетым им милым жаворонком не приносила радости. Но у пастуха было и чувство юмора, спасавшее его, и песенный дар, становившийся наступательной силой.

Нелегко представить старого акына в традиционной кожанке тех лет и фуражке, с портфелем и наганом. Я видел такую фотографию.

В конце двадцатых годов он снова возвратился к поэзии, к музыке. Ведь еще до революции он прославился и как поэт, и как мелодист-композитор, и как исполнитель песен.

Его сперва прозвали акыном-бала, мальчиком-певцом. Пришло возмужание, а прозвище оставалось. Он был акыном и певцом. Он был акыном и певцом. Он был акыном и певцом.

Не могу забыть, как однажды исполнил эту песню Кенен. Пальцы малькала с волшебной

неграмоте. Но еще до этого акына-бала сложил песню о жаворонке — «Бозторгай». У песни были такие легкие и сильные музыкальные крылья, что она облетела просторы Казахстана. Ее пели, как это случалось и позднее, не всегда зная имя автора:

Милый жаворонок, в небе ты певец,
Не спускаешься на землю для меня,
Где, голодный, я пасу чужих овец
С палкой, заменившей мне коня.
Есть еще одна песенка Ке-

быстротой. Домбра, казалось, вторила перестуку копыт. Высокий голос певца сливался с перестуком и перепоном. В песне были и умишка, и боль, и гнев. В ритме песни ощущалось возникла мечта о настоящем скакуне, о тулпаре из сказки. Байская дочь получила по заслугам:

Ты отцом не хвастай, байством не кичись.
Просидишь ты в девах, прогоришь жизнь.
А потом ты вспомнишь пастуха-певца,
Зря не повернула ты к нему лица.

Мне пришлось видеть однажды, как шел Кенен к мавзолею Джамбула. Шел медленно, отрешенно, не замечая провожающих. Но перед тем, как войти в мавзолей, оглянулся и сделал едва приметный знак рукой: не мешайте мне, я хочу здесь побыть один...

Может быть, в час этого свидания и возник у него ныне осуществленный замысел написать поэму о Джамбуле.

Тематический размах творчества Кенена очень широк — у него есть патристические песни о Советской Родине, о Ленине, о Казахстане, о дружбе народов, о социальном труде. Но когда знакомился с его стихами, невольно замечал, что чаще всего они посвящены родным местам. Вот, например, «Песня курдайской молодежи» — ее поют юноши и девушки, живущие очень далеко от этого перевала. А уж если говорить о конкретных героях — либо в советском «Рославльском», либо в колхозе имени Кирова.

Районная газета «Курдайский маяк» (теперь колхоз имени Кирова находится в Красногорском районе) недавно рассказала, как Кенен прославил на ее страницах современников — Исахана Сейдахметова и Омара Душенова. А однажды с присловьем «Вы мои хорошие друзья, а как же я могу оставить друзей без подарка?» сложил две песни: одну — посвященную работникам редакции, другую — работникам типографии.

В его стихах — реки и речушки родных мест, излюбленные урочища — Узысу, Ирсу, Кылдайнар, Копы, и, конечно же, Курдайский перевал. Его теплые стихи и тихие поэтики до сих пор манят акына.

Иногда — Кенен просит своего старшего сына поехать с ним в степь. Они останавливаются у рюкзика, и старик мелкими глотками пьет холодную ключевую воду. Ему кажется, тогда, что он прикасается к источнику своей поэзии, зарожденной в этих джетысуских краях и теперь принадлежащей народу.

«На обратном пути он просит сына ехать медленнее, чтобы еще зоркими глазами всматриваться в дорогу, знакомую и незнакомую. Прежними остались травы и птицы, прежними остались синева Алатауских гор, но как изменились люди, поселки, ритм и краски жизни, которую и он создавал как бор за Советскую власть, как талантливый акын нашего времени.

Алексей БРАГИН.

Еще тогда — может, семидесят лет назад, а может, и больше — поэт был уверен в своем будущем, уверен, что правота на его стороне, на стороне народа. В этом оптимистическом чувстве — исток популярности поэзии Кенена еще в то дореволюционное время, когда хорошо жили в аулах только те, кто владел табунами и отарами.

Впрочем, ясно, что и в те давние годы для популярности акына мало было оптимизма и остроумия — требовался талант, а им природа наделила Кенена с избытком.

Еще на соревновании джетысуских акынов в начале века, когда Джамбул получил первый приз за сложную песню, Кенену, вручили первый приз за исполнение собственной импровизации.

Голос Кенена — редкостный голос по тембру, чистоте, ларическому теплу.

Недавно дочка Кенена Торткен рассказывала нам, гостившим в доме акына, как он создавал свои песни:

Обычно это бывает самым ранним утром. Он встает раньше всех. Направляет лошадь к дожде. Направляет лошадь к дожде. Направляет лошадь к дожде. Направляет лошадь к дожде. Направляет лошадь к дожде.

Е. Исмаилов и Е. Турсунов писали: «Акын мастерски играет на домбре лучшие народные юны. Очень музыкальный, прекрасно владеющий голосом. Кенен хорошо берет самые высокие и низкие ноты. В пылу исполнения, как бы подкрепляя свою виртуозность, он отрывает руку от домбры и делает жест танцовщицы, касающейся рукой уха».

Кенена и его голос бесконечно любил Джамбул.

Когда она в декабре 1937 года все вместе гостила в Грузии на праздновании юбилея Шота Руставели, — рассказывал Мухамеджан Каратаев, — Джамбул пародовал всех великодушных импровизаций, а Кенен долгое время оставался в тени. Но однажды поздно ночью, когда писатели были только в своем кругу, Ке-

неграмоте. Но еще до этого акына-бала сложил песню о жаворонке — «Бозторгай». У песни были такие легкие и сильные музыкальные крылья, что она облетела просторы Казахстана. Ее пели, как это случалось и позднее, не всегда зная имя автора:

Милый жаворонок, в небе ты певец,
Не спускаешься на землю для меня,
Где, голодный, я пасу чужих овец
С палкой, заменившей мне коня.
Есть еще одна песенка Ке-

быстротой. Домбра, казалось, вторила перестуку копыт. Высокий голос певца сливался с перестуком и перепоном. В песне были и умишка, и боль, и гнев. В ритме песни ощущалось возникла мечта о настоящем скакуне, о тулпаре из сказки. Байская дочь получила по заслугам:

Ты отцом не хвастай, байством не кичись.
Просидишь ты в девах, прогоришь жизнь.
А потом ты вспомнишь пастуха-певца,
Зря не повернула ты к нему лица.

Мне пришлось видеть однажды, как шел Кенен к мавзолею Джамбула. Шел медленно, отрешенно, не замечая провожающих. Но перед тем, как войти в мавзолей, оглянулся и сделал едва приметный знак рукой: не мешайте мне, я хочу здесь побыть один...

Может быть, в час этого свидания и возник у него ныне осуществленный замысел написать поэму о Джамбуле.

Тематический размах творчества Кенена очень широк — у него есть патристические песни о Советской Родине, о Ленине, о Казахстане, о дружбе народов, о социальном труде. Но когда знакомился с его стихами, невольно замечал, что чаще всего они посвящены родным местам. Вот, например, «Песня курдайской молодежи» — ее поют юноши и девушки, живущие очень далеко от этого перевала. А уж если говорить о конкретных героях — либо в советском «Рославльском», либо в колхозе имени Кирова.

Районная газета «Курдайский маяк» (теперь колхоз имени Кирова находится в Красногорском районе) недавно рассказала, как Кенен прославил на ее страницах современников — Исахана Сейдахметова и Омара Душенова. А однажды с присловьем «Вы мои хорошие друзья, а как же я могу оставить друзей без подарка?» сложил две песни: одну — посвященную работникам редакции, другую — работникам типографии.

В его стихах — реки и речушки родных мест, излюбленные урочища — Узысу, Ирсу, Кылдайнар, Копы, и, конечно же, Курдайский перевал. Его теплые стихи и тихие поэтики до сих пор манят акына.

Иногда — Кенен просит своего старшего сына поехать с ним в степь. Они останавливаются у рюкзика, и старик мелкими глотками пьет холодную ключевую воду. Ему кажется, тогда, что он прикасается к источнику своей поэзии, зарожденной в этих джетысуских краях и теперь принадлежащей народу.

«На обратном пути он просит сына ехать медленнее, чтобы еще зоркими глазами всматриваться в дорогу, знакомую и незнакомую. Прежними остались травы и птицы, прежними остались синева Алатауских гор, но как изменились люди, поселки, ритм и краски жизни, которую и он создавал как бор за Советскую власть, как талантливый акын нашего времени.

Алексей БРАГИН.

РЕПОРТАЖ

С ПЕРВЫМИ, по-настоящему весенними днями акыну становится тесно в четырех стенах. Тогда его снова ставят в яблоневом саду, примыкающем к дому, большую юрту. В раскрытые двери ее льются потоки солнечного света, благодатного тепла и запахи степных трав. Слышно, как где-то высоко под темно-синим куполом неба заливается жаворонком — бозторгай.

Маленькая, трогательная птица из далекой юности акына звенит, не умолкая, вот уже многие десятилетия в его лучших песнях, ставших народными.

Праздничные краски весны сливаются для акына в одну торжествующую мелодию, не поддающуюся времени:

Друг надежный в пути — моя песня-стих, и другим он не чужд, нужен для других.
Во весь голос пою — слушай, мой народ!
Стих со мной в пути, стих не отстанет!

Три четверти века сопутствует акыну песня. Она была с ним всегда и везде: в горе и радости, на каменистых тропах и крутых перевалах. Его еще звали ласково «балай-акыном», мальчиком-певцом, когда он впервые встретился с Джамбулом. Именно Джамбул благословил Кенена на поэтический подвиг. Потом они встречались множество раз на творческих

ЮБИЛЕЙ ПЕВЦА

поединках-айтысах и в долгих дружеских беседах за старуханом. Они были неразлучны и во время поездки в Тбилиси на юбилей Шота Руставели, и в дни Декады казахской литературы, проходившей в Москве. В первые годы Великой Отечественной войны на Джамбула обрушилось страшное горе: погиб его любимый сын, его Алатай. Три дня акын не поднимался с постели. Три дня никого не хотел видеть, кроме Кенена. Спешившись, Кенен прошел в полумертвую юрту и долго сидел в скорбном молчании у постели Джамбула. Потом, поднявшись, бережно снял со стены домбру и так же молча протянул ее Джамбулу. Слабые пальцы старого акына коснулись струн, и они тихо отозвались на печальные думы отца, потерявшего в ратном бою своего сына. Так родился ставшая вскоре широко известной песня Джамбула «Думы об Алатае».

«Давно уже нет на свете аты казахских акынов, но живут, не умирая, его песни потому, что песня всегда была душой народа и его союзов».

Вслед за своим учителем Кенен совершил песенный подвиг, отмеченный высокой наградой — орденом Ленина.

В канун юбилея первыми поздравила акына с датой его рождения семья — шесть сыновей и дочерей, четырнадцать внуков и два правнука. А затем к юрте в яблоневом саду весь день шли и ехали люди — истинные поклонники поэзии Кенена. Тут были гости не только из Алма-Аты и соседних районов, но и из братской Киргизии, где казахский акын не раз встречался с прославленным певцом Токтогулом.

В доме Кенена была сутолока, предшествующая обычно празднику, на улице стоял густой аной, а в юрте было прохладно и тихо. Пелись в паллах кумыс. Негромкая и как бы скрепленная созвучными речью акына снова и снова возвращала нас в те далекие уже дни, когда был жив Джамбул. Возвращала должное своему учителю, Кенен назвал имя акына Сарыбаса:

Мой край родной — Курдайский перевал,
Мне Сарыбас-акын, как старший брат.
Он, умирая, в дар мне передал
Свою домбру, волшебных песен клад.

Вспомнил Сабита Муканова, спросил о здравствующих алма-атинских друзьях.

Потом мы долго беседовали в саду с его сыновьями и дочерью. Пожелали, что не встретились с приемной дочерью лезгинкой Айшой, уехавшей со своей чабанской бригадой на дальний отгон, узнали, что старший правнук Кенена Жумабай заканчивает географический факультет педагогического института имени Абай...

Пожелав акыну доброго здоровья и творческих успехов, мы собрались уезжать. Неожиданно в тихий шестел яблоневых ветвей с округлыми плодами выплеснул отчетливо еще один звук — напевный голос домбры. Он был звонким и молод, как молодцы все песни старших казахских акынов.

О. МАЦКЕВИЧ,
спец. корр. «Казахстанской правды».
Колхоз имени Кирова,
Джамбулская область.